

Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И., Марков Г. Е. Кочевники Азии // СЭ, 1977. № 5; Першиц А. И., Марков Г. Е. Кочевники Азии // Вопр. истории, 1978, № 5; Хазанов А. М., Марков Г. Е. Кочевники Азии // Народы Азии и Африки, 1978, № 3; Lattimore O., Markov G. The Nomads of Asia // Man. Vol. 13. 1978.

⁴ См. материалы дискуссии по кочевничеству: СЭ. 1981. № 4; 1982. № 2.

⁵ Марков Г. Е. Образ жизни туркмен в XIX — начале XX века // Вопр. истории. 1983. № 2; его же. К изучению проблемы кочевых племен // Вопр. истории Казахстана на рубеже XVIII и XIX веков. Алма-Ата, 1984; Викторин В. М. Потестарно-политические и правовые отношения у кочевых народов (взаимосвязь внутренних и внешних факторов) // Философские проблемы государства и права. Вып. 5. Саратов, 1988; Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопр. истории. 1990, № 8; Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центральной Азии. М., 1991; Крадин Н. Н. Кочевые общества (Проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; Язлыев Ч. Туркменская сельская община. Ашгабад, 1992; Калиновская К. П., Крадин Н. Н. Кочевые общества // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1994. № 4.

⁶ Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1983. № 5; Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. М., 1989; Калиновская К. П., Марков Г. Е. Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 6; Калиновская К. П., Марков Г. Е. Динамика хозяйственно-культурных типов и социальных отношений в туркменском обществе в позднем средневековье // Проблемы средневековой истории Туркменистана. Ашгабад, 1993; Markov G. E. Les sociétés traditionnelles d'Asie Centrale // Cahiers du Monde russe et soviétique. V. XXXI. P., 1990.

⁷ См.: Матвеев В. В. Средневековая Северная Африка.

⁸ См. Марков Г. Е. Кочевники Азии.

⁹ Марков Г. Е. Кочевники Азии; Материалы дискуссии по кочевничеству в СЭ. 1981. № 4 и СЭ. 1982. № 2.

¹⁰ См. указанные выше работы Г. Е. Маркова, Ю. И. Семенова, С. И. Вайнштейна, К. П. Калиновской, Н. Э. Масанова и др.

¹¹ Марков Г. Е. Скотоводство и кочевничество. Дефиниция и терминология // СЭ. 1981. № 4.

¹² Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопр. истории. 1990. № 8.

¹³ См. список основных работ Г. Е. Маркова // ЭО. 1993. № 3.

¹⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии; König W. Die Achal-Teke. В., 1962.

¹⁵ Маркс К. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса. Т. IX. С. 49. 1941.

¹⁶ Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Подготовка текстов и перевод Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. М.; Л., 1960; Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Подготовка текстов и перевод В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля. М.; Л., 1965.

© 1996 г., ЭО, № 4

David Hollinger. Postethnic America. Beyond multiculturalism. N. Y. 1995. 210 p.

Первое, что бросается в глаза каждому, кто приезжает в США, — необычайное многообразие человеческих типов, различающихся как физическими особенностями, так и манерой одеваться, стилем поведения, диалектными особенностями и пр. Все это не только восхищает, поражает, но и настораживает, вызывает недоумение: как Америка справляется с этим многообразием, какую роль в США играют культурные особенности, что позволяет им сохраняться в этом «кипящем котле», как учитываются права меньшинств в демократическом обществе, в частности как они соотносятся с правами человека? От взгляда вдумчивого наблюдателя не скроется то, что, несмотря на значительный прогресс в этой области в последние десятилетия, вопрос не может считаться исчерпанным. Американское общество далеко не идеально, но оно высоко динамично и находится в постоянном поиске наилучшей модели, позволяющей гармонизировать разнообразные интересы, как индивидуальные, так и групповые.

Именно с этой точки зрения большой интерес представляет новая книга Дэвида Холлингера, профессора Калифорнийского Университета (Беркли), известного исследованиями, посвященными американской интеллигенции. С первых страниц становится очевидной обеспокоенность автора состоянием того, что в нашей науке принято называть сферой межнациональных отношений (см. с. 79—80, 141 сл.). Действительно, значительные изменения, происшедшие в США после мощных негритянских волнений 1960-х годов породили, в частности, установку на так называемый мультикультурализм, который был с энтузиазмом воспринят в 1980-х — начале 1990-х годов. По замыслу его сторонников идеология и практика мультикультурализма должны были, с одной стороны, способствовать развитию культурных особенностей (причем не только этнических), а с другой — воспитывать в людях высокую толерантность и уважение к чужим традициям. В соответствии с этим появилось множество различных культурных обществ, стали проводиться фольклорные фестивали, возрос интерес к истории отдельных общин и т. д. Наряду со всем положительным, что принесло это движение, оно имело и достаточно

ошеломляющий результат: выяснилось, что люди проявляют интерес главным образом к своей культуре и не испытывают большого желания знакомиться с чужими традициями (с. 82—83). Вместо того чтобы способствовать единству, мультикультурализм углубил различия между общинами, вел к росту общественной сегментации по культурным рубежам и тем самым заставлял опасаться за сохранение глубоко интегрированного общества в будущем. Все эти негативные аспекты мультикультурализма уже отмечались внешними наблюдателями¹.

Резецируемая книга показывает, что и американские интеллектуалы испытывают ныне разочарование: в мультикультурализме, который культивировал слишком упрощенное представление об окружающем мире и не смог справиться со стоящими перед обществом проблемами. С первых же страниц автор четко формулирует свою позицию: для поддержания культурного разнообразия необходимо преодолеть мультикультурализм путем перехода к «постэтническому» обществу (с. 2—3). Под последним ученый понимает расширение свободы культуротворчества и самоидентификации — «постэтнические перспективы отдадут предпочтение добровольному членству в группе перед навязанным, учатывают родственные связи, одновременно доставляя место и для формирования новых групп, и способствуют созданию широких общественных образований, которые бы объединяли людей, различающихся по расе и этническому происхождению». По его мнению, постэтнические перспективы должны заставить людей отказаться от поиска жесткой связи между знаниями и моральными ценностями, с одной стороны, и принципами крови и истории — с другой. В то же время он признает, что идеи и ценности, одно время считавшиеся универсальными, на самом деле всегда являются культурно окрашенными (с. 3).

Холлинггер видит ограниченность мультикультурализма в том, что тот придает слишком большое значение унаследованным от предков этнорасовым границам и консервирует соответствующие группы. Автору больше импонирует космополитизм, который широко открывает двери добровольным ассоциациям, стимулирует развитие множественной идентичности и учитывает динамический, изменяющийся характер многих групп. Конечно, с точки зрения плюрализма, космополитизм создает угрозу этнической идентичности, а космополитизму плюрализм видится как провинциальное стремление избежать сложности реальной действительности (с. 3—4). Ученый переформулирует понятие «космополитизм», указывая, что, хотя тот, как и универсализм, противостоит изоляционизму, он в то же время признает и готов использовать культурное многообразие (с. 84). Постэтнический космополитизм — это космополитизм, «имеющий родню», т. е. учитывающий симпатии современного общества к этническим корням (с. 5). В этом отношении показательно, что термину «идентичность» как чисто психологическому Холлинггер предпочитает термин «членство», в большей мере связанный с социальной обстановкой (с. 6—7).

Автор начинает обсуждение этих проблем с анализа основ идентификации в современной Америке (гл. 2). В 1970-х годах в США была официально принята пятичленная классификация населения, включавшая такие группы, как афроамериканцы, азиатоамериканцы, евроамериканцы, коренные американцы и латино (испаноязычное население). Эта классификация опиралась на смешанные языковые, расовые и даже чисто географические критерии и не имела строгого научного обоснования. Она затуманивала серьезные этнокультурные различия, существовавшие внутри этих пяти блоков, в то же время представляя их в виде якобы культурных категорий (с. 26 сл.). Это было введено по политическим соображениям — чтобы покончить с расовой дискриминацией (с. 32—33).

Фактически же практика мультикультурализма сделала эту схему основой для раскола общества на пять этнорасовых групп, чья идентификация обуславливалась, тем самым, политическими факторами и сомнительными биологическими критериями, которые ошибочно смешивались с культурными. В итоге расистская идеология сохранялась, и судьба человека зависела прежде всего от расы, а не от этничности (с. 37). Недостатки принятой классификации стали очевидными в 1990-е годы в связи с резким ростом числа межрасовых браков, в результате чего смешанное в расовом отношении население стало заявлять о своей особой этнорасовой принадлежности, не вписывающейся в пятичленку (с. 42—45)². Дело доходит до того, что иногда белые называют себя «черными», пытаясь использовать привилегии последних на получение работы (с. 46).

Мультикультурализм не смог распутать этих сложных противоречий. Выходом, как считает автор, могла бы стать концепция «этнорасовых блоков», допускающая более свободный выбор идентичности. Весь пафос Холлинггера направлен против расизма, альтернативу которому он видит в стимулировании образования более мелких и многообразных этнических групп. Для нашего читателя вряд ли останется незамеченным, что это стремление отделаться от «расового комплекса» приводит ученого к конструированию этносов в европейском понимании, хотя в условиях США они не смогут опираться на такую глубокую культурную, языковую и историческую базу, как в Старом Свете. В американских условиях такие этносы (за исключением отдельных групп коренных американцев) всегда будут в значительной мере искусственными категориями, опирающимися на конструированную «символическую этничность». Может быть, это и к лучшему, ибо делает их менее жесткими образованиями, позволяет свободный обмен членами, что обезопасит от сколько-нибудь серьезной межэтнической конфронтации и не повредит общеамериканской лояльности. Вопрос заключается в другом: как сделать такие группы жизнеспособными? Можно заранее предвидеть, что они тут же начнут культивировать свою особую культуру, и ...место расовых проблем в США займут этнические. Переписывание истории с этноцентристских позиций в США уже началось, и хотя «постэтническая» установка не позволяет Д. Холлинггеру оценить эту тенденцию вполне положительно (с. 126—127), последняя является неизбежным спутником становления новых этнических групп, особенно в современных условиях.

Рост и развитие отдельных этнических групп в американском обществе будут означать, считает автор, позитивный сдвиг от акцента на видовые особенности к акценту на этнические особенности и от

универсалистских представлений к партикуляристским (гл. 3). Тем самым общество избегает ошибок 1940—1950-х годов, когда локальное принималось за универсальное и на основе культурно ограниченных знаний и подходов создавались глобальные схемы, в том числе и научные. Если в середине XX в. универсализм был оправдан борьбой против расизма (с. 55), то в наше время он, напротив, играет на руку культурному империализму блока НАТО (с. 58)³. К сомнению в продуктивности универсалистских глобальных подходов приводит ученого и понимание исторически преходящего характера знаний, использующихся для сиюминутных целей (с. 60). В этом он опирается на работы М. Фуко, Т. Куна, К. Гирца, которые делали особый акцент на исторические и культурные факторы и сыграли определенную роль в становлении постмодернизма с его акцентом на локальное и этническое. В США это движение проявило себя в отрицании общеамериканской культуры во имя сохранения и развития многообразия, и установка на «кипящий котел» сменялась представлением о «салате» или «огороде» (с. 64—65). Все это побуждает автора вслед за современным философом Р. Рорти осуществлять переоценку этноцентризма и его общественной роли, ибо чувство групповой, этнической солидарности способствует взаимопомощи между людьми (с. 72 сл.)⁴. Вместе с тем остается неясным, как избежать роста ксенофобии, шовинизма и этнических предубеждений, которые с железной последовательностью стимулируются этноцентризмом. Автор понимает эту проблему (с. 54, 75—76), но оставляет ее открытой.

США изначально возникли как культурно гетерогенное общество, и споры о том, что может стать основой его глубокой интеграции, с тех пор не затихали (гл. 4). В особенности страсти накалились в начале века, когда друг другу противостояли концепции культурного плюрализма и космополитизма. Тогда первый понимался как автономия отдельных этнических групп (Х. Коллен), а второй — как тесные взаимоотношения между ними вплоть до смешения (Р. Бурн)⁵. В середине XX в. в США возобладала вторая линия, а затем мультикультурализм попытался использовать оба названных подхода. Рост культурного разнообразия в наше время уже не уместается в рамки официальной пятичленной классификации, и это ведет к кризису мультикультурализма и необходимости перехода к постэтнической парадигме.

Автор придерживается концепции об инструментальном характере отдельных этнических общин и в отличие от плюралистов призывает учитывать их многомерные различия (гл. 5). Это, на его взгляд, всегда позволит найти нечто общее даже между очень разными группами и откроет перспективу для широкой международной солидарности при решении глобальных вопросов (экологических и пр.). Ведь именно постэтнический подход позволяет без труда резко увеличивать размеры «нашей группы», поскольку он дает предпочтение добровольному членству перед предписанным, сочувствует множественной идентификации, стимулирует создание более крупных общин, учитывает конструктивистский характер этнорасовых групп и признает возникновение новых групп нормальным явлением в демократическом обществе (с. 116). Иными словами, не отрицая ни истории, ни биологии, ни потребности в родстве, постэтническая парадигма отвергает лишь жесткие связи между членством в группе, с одной стороны, и историей и биологией — с другой (с. 119). Холлинггер выступает против жесткого отождествления культуры с этнорасовыми группами, подчеркивая, что культура иной раз пересекает их границы. Это относится прежде всего к религиозной культуре, ибо религиозные общины в современной Америке превратились в меньшинства, нуждающиеся в правовой защите⁶. Поэтому автор симпатизирует отождествлению этнических групп с религиозными (с. 120—124).

Следует отметить, что такое смещение акцентов снимет одного рода проблемы, но породит другие, не менее серьезные. Кроме того, рассуждая об отказе от примордиалистского подхода к определению этнорасовой принадлежности (с. 116), автор, похоже, учитывает лишь субъективные настроения Его и полностью обходит вопрос о том, согласится ли группа принять Его в свою среду. Но каждый, кто бывал в сельской местности, знает, с каким жадным интересом местные обитатели расспрашивают новоприбывшего о его родственных связях, придавая им первостепенное значение. Автор называет это провинциализмом, но от этого проблема не исчезает. Впрочем, в американских условиях становление новых групп и новых «идентификаций» происходит легче, чем, скажем, в нашей стране. Автор демонстрирует это на примере пенджабско-мексиканской общины, возникшей недавно в Калифорнии (с. 120).

Постэтническая перспектива для американцев определяется гражданским характером Американского государства, несовместимого с этнонационализмом (гл. 6). Преимущество гражданской нации перед этнической заключается в том, что первая может служить посредником между человеком как биологическим видом и этносом (с. 138). Поэтому в условиях нарастающего в мире этнорасового плюрализма гражданские нации, способствующие межэтнической солидарности, должны получить предпочтение. У США есть своя собственная культура, которая позволяет рассматривать их как своего рода этнос и избегать опасной тенденции видеть в них прототип общемирового государства. Правда, здесь сейчас отмечаются три противоречивых тенденции. Деловые круги ориентируются более на международные связи, представители диаспор рассматривают связь с США как временную, и лишь так называемые средние американцы склонны связывать себя с американской нацией именно в этническом смысле. Мультикультуралисты видят в этой третьей группе врага, угрожающего этническим меньшинствам.

Вместе с тем, отмечает автор, «межкультурные войны» отвлекают внимание населения США от коренной проблемы американского общества: государство должно серьезнее отнестись к решению проблемы экономического и политического неравенства, не забывая и проблем культуры.

В целом концепция Д. Холлингера настолько красноречива, что не нуждается в особых комментариях. И все же несколько моментов хотелось бы отметить. Во-первых, изложенный подход к этническим проблемам отражает именно американскую перспективу, т. е. точку зрения общества эмигрантов, лишенных глубоких местных корней и изначально настроенных на интеграцию в чужую среду во имя тех или иных интересов, мало связанных с культурными потребностями. Именно в такого

рода обществах этничность принимает символический характер (с. 40—41) и преобладают инструменталистский и конструктивистский подходы к этносу в отличие от примордиалистского, более характерного для Старого Света. Правда, в последнее время многие из нас с удивлением обнаруживают, что в обстановке политической и экономической нестабильности эти подходы подкрепляются живыми примерами из различных регионов бывшего СССР. Во-вторых, предложенное автором решение, коль скоро оно будет реализовано, приведет к резкому росту числа этнических групп в США, что трудно сочетается с термином «постэтническая Америка». Напротив, следовало бы скорее говорить об этнизации США. В-третьих, что представляется более серьезным, эти новые этнические группы, вне всякого сомнения, будут требовать разнообразных прав, в том числе и политических, что, кстати, уже и происходит (с. 44, 46). Ведь именно это в соответствии с инструменталистским принципом и оправдывает их существование. Судя по всему, США вступили в эпоху, которую СССР пережил в 1920-х годах, и не случайно рассуждения автора в ряде случаев оказываются близкими позиции русских эмигрантов-евразийцев, которые уделяли большое внимание проблеме гармонизации этнических интересов в рамках крупного многонационального государства. Сходные проблемы уже возникают: как соотносится «общеамериканский этнос» с «этническими группами» внутри него (с. 64—65), как будет разрешаться вытекающий из этого «конфликт лояльностей», на каких основах помимо чисто политического интереса будут строиться новые этнические группы и т. д. Здесь поневоле приходит в голову схема «евразийского национализма», выдвинутая князем Н. С. Трубецким⁷. Вместе с тем, в-четвертых, и сама история сложения американского населения, и американская политическая система с ее давним опытом демократического решения сложных проблем позволяют надеяться, что этнизация американского общества совершится без тех потрясений и тяжелых политических последствий, которые выпали на долю Советского Союза.

Как бы то ни было, перед лицом захватывающей картины серьезных этнических изменений, которые уже начались в США, американским интеллектуалам было бы полезно ознакомиться с советским опытом. В свою очередь рецензируемая книга, богатая самыми разными идеями, свидетельствует о том, что и для нас американский подход к этническим проблемам может оказаться далеко не бесполезным. Во всяком случае книга Холлингера была бы интересна прежде всего тем, кто до сих пор не расстался с упрощенным представлением о безусловно унифицирующей роли американской цивилизации и ее стремлении американизировать весь мир.

Примечания

¹ Schierup C. Multiculturalism and Universalism in the United States and EU-Europe. A paper presented at the COST—A2—Workshop «Nationalism and Ethnicity». Bern, 2—4 March 1995.

² В частности, автор упоминает, что среди коренных американцев число экзогамных браков превышает число эндогамных. А так как нередко оба супруга не являются белыми американцами, то это рождает проблему «меньшинства в двойной степени» (с. 42—43). Мне уже приходилось затрагивать этот вопрос, создающий новые подходы к идентификации (см. Шнирельман В. А. Комментарии к статье З. П. Соколовой «Эндогамия и этнос» // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 85—90). Мне доводилось встречать американских индейцев смешанного происхождения, которые называли себя просто «коренными американцами», не стремясь идентифицироваться с каким-то конкретным племенем. По данным автора, за тридцать лет с 1960 до 1990 г. число таких американцев возросло на 259% (с. 46).

³ Трудно удержаться от проведения параллелей между этими рассуждениями и мыслями Н. С. Трубецкого, который тонко подметил культурную окрашенность западной «космополитической» идеологии (см. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920.) А еще до Трубецкого об этом, хотя и вскользь, писал Т. Масарик (См. Masaryk T. G. Idealy humanitni. Praha, 1968. S. 73). Очевидно, в последнее время резкий рост роли этничности поставил перед американскими интеллектуалами те же вопросы, что мучали русских интеллигентов еще в начале XX в.

⁴ Рассуждения Рорти об этноцентризме удивительно напоминают некоторые идеи Вл. Соловьева и следующие за ним Л. Карсавина и других евразийцев, пытавшихся расширить группу «мы» с помощью сложной многоступенчатой схемы, напоминающей матрешку. Сходные представления о «сложной лояльности» сейчас весьма популярны среди западных интеллектуалов.

⁵ Корни этих идей следует, безусловно, искать во взглядах видного еврейского мыслителя начала века М. Бубера (см. Бейлисон-М. Идеология нового еврейства // Современные записки. 1926. Т. 29. С. 459—460). Они до некоторой степени перекликались и с евразийскими.

⁶ Hollinger D. A. Jewish intellectuals and the de-Christianization of American public culture in the twentieth century. A manuscript.

⁷ Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 24—31. Подробнее о евразийской теории культуры см. Шнирельман В. А. The Eurasian concept of culture: N. S. Trubetskoy and L. P. Karsavin. A paper presented at the International Conference «The Russian, Ukrainian and Belorussian emigration in Czechoslovakia between the two world wars». The Slavic Library. Prague, 14—15 August, 1995.

В. А. Шнирельман